

Говард Филлипс Лавкрафт

Гарри Гудини

Узник фараонов

(Imprisoned with the Pharaohs)

Каждая тайна влечет за собой новую тайну. С тех пор как мое имя стало ассоциироваться с необъяснимыми ситуациями, я все время пытаюсь бороться против обстоятельств, связанных в умах людей с моей деятельностью и репутацией. Большинство этих событий не представляет никакого интереса, хотя некоторые из них были даже драматичными. Какие-то случаи доставляли мне лишь приятные ощущения опасности, другие же заставляли прибегать к довольно обстоятельным научным и историческим исследованиям. Я всегда свободно обсуждал эти события и продолжаю это делать, за исключением лишь одного случая, о котором до сегодняшнего дня не решался упоминать. Я вынужден все рассказать только лишь из-за расследования, предпринятого издателями некоего иллюстрированного журнала, разжигающими ажиотаж вокруг этого сугубо личного дела. Речь идет о частном визите в Египет 14 лет назад, о котором я по многим причинам избегал говорить. С одной стороны, я не стремился извлечь выгоду ни из опубликования различных достоверных событий и обстоятельств, вероятно неизвестных тысячам глазующих на пирамиды туристов, ни из раскрытия секретов, ревниво охраняемых большими людьми в Каире. С другой стороны, мне не хотелось рассуждать о происшествии, в котором мое большое воображение могло сыграть огромную роль. То, что я видел или мне казалось, что видел, без сомнения не происходило. Мое возбужденное состояние, в котором я находился вследствие исключительных обстоятельств, увлекло меня в одну фатальную ночь в это приключение.

***

Был январь 1917 года. Мой контракт в Англии только что закончился, и я подписал новый о гастрольях в австралийских театрах. У меня было достаточно времени для переезда, и я решил извлечь из этого максимум выгоды. Сопровождаемый моей супругой я, не теряя времени, перебрался на континент и взошел на борт теплохода "Мальва", шедшего в Порт-Саид: я решил проехаться по основным историческим местам Нижнего Египта перед тем, как отправиться в Австралию. Это путешествие, прекрасное само по себе, было к тому же украшено многочисленными номерами находящегося на борту теплохода фокусника. Желая оградить свой покой, я сначала путешествовал инкогнито. Но банальные трюки, с помощью которых фокусник старался покорить пассажиров, возбудили у меня желание превзойти его, и мне пришлось раскрыть свое имя. Я коснулся этого эпизода из-за тех последствий, которые он вызвал позднее и которые я должен был бы предвидеть, прежде чем раскрывать свое имя на переполненном туристами пароходе в долине реки Нил. В итоге, куда бы я ни пошел, меня повсюду узнавали, что, безусловно, лишило меня и мою супругу необходимого покоя. Я предпринял эту морскую прогулку в

надежде насладиться достопримечательностями древней долины, а в итоге сам стал объектом любопытства со стороны других пассажиров.

Приехав в Египет в поисках живописных и мистических мест, мы были несколько разочарованы, когда корабль бросил якорь в Порт-Саиде. Песчаные дюны, бакены, качающиеся на низкой воде, и маленький сумрачный европейский город, в котором интерес представляла, пожалуй, лишь статуя Лессе-па, только усилили наше нетерпение добраться, наконец, до настоящих туристских мест. Мы решили побывать в Каире, затем у пирамид и отправиться в Австралию на пароходе из Александрии, что позволило бы нам посетить греко-романские места этого города. Четырехчасовой переезд по железной дороге показался нам довольно сносным. Мы увидели большую часть Суэцкого канала, вдоль которого поезд следовал до Ис-маилии, и успели почувствовать дыхание Древнего Египта, обнаружив реставрируемый канал эпохи Средней Империи.

Вечер уже опускался над Каиром, когда мы прибыли в этот город. Центральный вокзал хотя и ослепил нас сверкающим светом, но не очаровал, так как все вокруг носило европейский отпечаток. И только пестрая толпа радовала наш взор. Прозаичное метро доставило нас к площади, заставленной такси и трамваями. Повсюду струился свет, выхватывая из темноты огромные здания. Особенно ярко был освещен театр, в котором меня тщетно уговаривали выступить и который я затем посетил в качестве зрителя. Не так давно он стал называться "Американский Космограф". Мы взяли такси и, проехав по широким элегантным улицам, высадились у отеля "Шеффилд". Среди утонченного сервиса ресторанов и великолепия англоамериканских лифтов загадочный Восток со своим незабываемым прошлым показался слишком далеким. И все же следующий день в полной мере погрузил нас в атмосферу, достойную "Тысячи и одной ночи". На извилистых экзотических улицах Каира, казалось, воскрес Багдад Харун ар-Рашида. Мы прошли по эзбекским садам в поисках индийского квартала, согласившись с присутствием шумного гида, который несмотря на дальнейшие события, показал себя мастером своего дела. Лишь много позже я признался себе, что лучше бы было нанять дипломированного гида. Наш был бритым субъектом со странно низким и чистым голосом. Он походил на фараона, называл себя Абдулом Рейс Ель-Дрогменом и, казалось, имел влияние на людей определенного сорта. Потом в полиции нам заявили, что этот человек им незнаком и добавили, что "Рейс" - это нечто вроде прозвища, которое дают человеку, пользующемуся определенным влиянием, а "Дрогмэн" - ни что иное, как грубое искажение слова, применяемого для обозначения руководителя группы туристов - "dragoman".

Абдул познакомил нас с чудесами, о которых мы лишь слышали и которые мечтали увидеть. Старый Каир, каким он вам его показал, был просто живой историей. Это были лабиринты тихих улочек, наполненных ароматом пряностей, на которых мавританские балконы и окна с выступами противостоящих домов почти касались друг друга. По дороге нам встречались заторы, мы слышали странные крики, щелканье кнута, скрип повозок, звон монет и рев ослов. Перед нашими глазами стоял пестрый калейдоскоп из одежды разных цветов, покрывал, тюрбанов и фесок. Носильщики воды и дервиши, кошки и собаки, говорливые остряки и, бородатые старцы - все смешались здесь. Стенания слепых нищих, скрючившихся на паперти, перебивались звучными

призывами муллы с крыши минарета, четко выделявшегося на фоне глубокого, неизменно голубого неба.

Мы посетили спокойные базары, которые не показались от этого нам менее привлекательными. Специи, благовония, фимиам, ковры, шелка, кожи были щедро выложены на прилавки. Чуть дальше наше внимание привлекла Коринтская колонна из Гелиополиса, куда Август направил один из своих трех египетских легионов. Античность смешивалась с экзотикой. Мы увидели все мечети и музеи. Наслаждения, подаренные нам Аравией, бледнели перед прелестью бесчисленных сокровищ таинственного Египта фараонов. Это должно было стать апогеем нашего путешествия, но в этот миг все наше внимание было привлечено великолепными могилами-мечетями халифов, которые образовали феерический некрополь на краю Аравийской пустыни. Абдул провел нас вдоль Шариа Мехмет-Али до Бабель-Азаб, старинной мечети султана Хассана. С боков ее закрывали башни, за которыми крутая, окруженная стенами лестница вела в мощную цитадель, построенную Саладином из камней заброшенных пирамид. Солнце уже садилось, когда началось наше восхождение. Мы поднялись на одну из башен мечети Мехмета-Али и замерли, созерцая с высокого парапета сверкающий мистический Каир с его золочеными соборами, устремленными в небо минаретами и пылающими садами.

Над городом возвышался огромный романский собор, ныне музей, а дальше, за желтыми волнами таинственного Нила угрожающе прятались пески Ливийской пустыни.

Краснеющее солнце опустилось за горизонт, неся свежесть египетских сумерек. И пока оно старалось удержать равновесие на краю небосклона, подобно древнему богу Гелиопсису, мы видели выделяющиеся в красном свете черные силуэты пирамид Гизы, уже постаревшие за тысячелетия, прошедшие с того времени, как Тутанхамон взошел на золотой трон в далекой Тэбе. Мы поняли, что знакомство с сарацинским Каиром закончилось, и сейчас нам не терпелось проникнуть в самые загадочные тайны Древнего Египта. Нас волновали черный Кем, Ра, Амон, Исис и Осирис.

На следующее утро мы отправились к пирамидам. Чтобы добраться до острова Шизере по маленькому английскому мостику, переброшенному в его восточной части, нам пришлось взять открытую коляску. Мы двигались по набережной между огромными вереницами леббак, проехали зоосад в предместье Гизы, а затем, свернув в направлении Шарма-Эль-Харам, пересекли район грязных каналов и нищих лачуг. Внезапно из утреннего тумана перед нами предстал, отражаясь во многочисленных лужах, объект нашей поездки. Сорок веков смотрели на нас с высоты этих пирамид, как сказал в этом самом месте своим солдатам Наполеон.

Дорога начала круто подниматься, и мы достигли посадочной платформы между троллейбусной остановкой и отелем "Мена Хауз". Абдул Рейс, купивший нам билеты для посещения пирамид, казалось, смог договориться с агрессивными, крикливыми бедуинами, живущими в деревне саманов неподалеку отсюда. Ему удалось не только держать их на почтительном расстоянии (в то время, как другим путешественникам они не давали проходу), но и добыть двух верблюдов для нас и осла для себя. Вести животных

он доверил группе мальчишек и взрослых мужчин, скорее разорительных, нежели полезных. Расстояние, которое нам необходимо было преодолеть, было столь коротким, что верблюды едва ли были нужны, но мы радовались возможности испробовать этот новый для нас способ передвижения по пустыне.

Пирамиды, возвышающиеся на высоком скалистом плато, составляли часть королевского кладбища, раскинувшегося поблизости от мертвой столицы - Мемфиса, на этом берегу Нила, чуть южнее Гизы. Своего наивысшего расцвета Мемфис достиг между 3400 и 2000 годами до рождества Христова. Самая большая пирамида, стоящая ближе всех к современной дороге - это пирамида, возведенная фараоном Хеопсом около 2800 года до рождества Христова, ее высота превышает сто метров. На юго-востоке от нее находится пирамида, построенная фараоном Хефреием поколением позже. Она меньше первой по размерам, но кажется все же выше ее благодаря возвышению, на котором стоит. Третья пирамида - фараона Микериноса еще более скромная, построена около 2700 года до рождества Христова. На западе от второй пирамиды возвышается Сфинкс - немой, сардонический и вечно мудрый. Он без сомнения является воплощением памяти, которую хотел оставить миру Хефрен.

Во многих других местах расположены пирамиды более мелкие или же их развалины. Все плато усеяно могилами аристократов, рангом ниже королевского. Это каменные сооружения, напоминающие лавку, подобные которым можно встретить и на других кладбищах Мемфиса. Их называют "мастаба". В Нью-Йорке, в Метрополитен-Музее хранится самый лучший образец мумии, добытый из могилы Пернеба. Но в Гизе, жертве времени и грабителей, все следы прошлого уже почти исчезли. Только впадины, выдолбленные в скале, заполненные песком или расчищенные археологами, свидетельствуют о том, что эти могилы действительно существовали.

При каждой могиле есть часовня, где жрецы и родственники возносили молитвы и оставляли еду умершим. Часовни небольших могил находятся внутри самих каменных "мастаба". Часовни же пирамид, в которых погребены фараоны, представляют собой отдельные храмы в их западной части, соединенные переходом с главным вестибюлем или пропилеом. Центральная часовня, ведущая во вторую пирамиду, наполовину скрытую песками, имеет подземное отверстие на юго-западе от Сфинкса. Древняя традиция дала ей название "Храм Сфинкса", что может служить доказательством, будто Сфинкс действительно изображает Хефрена, строителя второй пирамиды. Письменные свидетельства подтверждают существование Сфинкса. Однако никто никогда не видел черт его лица, потому что монарх заменил их на свои, чтобы люди могли без страха глядеть на колосса. Именно в этом центральном храме была найдена диоритовая статуя Хефрена в натуральную величину, находящаяся сейчас в Каирском музее. Эта статуя произвела на меня огромное впечатление. Когда я увидел ее в 1910 году, здание храма почти полностью погрузилось в пески. Раскопками занимались немцы, и война или любые другие события могли им помешать. Я многое бы отдал, чтобы узнать, что случилось с неким колодцем в пересекающейся галерее, где статуи фараона были найдены стоящими рядом с чучелами бедуинов. Среди бедуинов по этому поводу ходили различные слухи, но официальный Каир хранил твердое молчание.

Дорога, по которой мы ехали на верблюдах, резко изгибалась влево перед отделением полиции, почтой, аптекой и лавочками. Далее она тянулась на юго-запад, образуя петлю вокруг скалистого плато, и заканчивалась на краю пустыни у подножия громадной пирамиды. Мы прошли вперед вдоль западной стороны гигантского сооружения, нависающего над долиной более мелких пирамид, на западе от которых сверкал вечный Нил, а на востоке блестела не менее древняя пустыня. Три огромные пирамиды казались совсем близкими. Величайшая из них, лишенная внешней оболочки, позволяла видеть ее огромные каменные глыбы, тоща как другие еще оставались закрытыми то тут, то там покровом, придававшим им с древних времен законченный облик. Мы спустились к Сфинксу и молча стояли, загипнотизированные взглядом его жутких глаз. На широком каменном портале еле виднелась эмблема Ре-Каракта, с которым путали Сфинкса последующие династии. И хотя песок уже скрыл табличку, находящуюся между гигантскими лапами, мы припомнили, что именно написал там Тутмос IV, будучи тогда еще принцем. От улыбки Сфинкса нам стало немного не по себе. Мы вспомнили о легенде, повествующей о подземных переходах, находящихся под этим гигантским созданием и ведущих в такие глубины земли, о которых человек не осмелится даже намекнуть. Эти бездны связаны с тайнами, более древними, нежели появившиеся на свет династии, - с длительным присутствием необычных богов с головами животных в древних пантеонах Нила.

Другие туристы уже подходили к нам, и мы отошли на пятьдесят метров к юго-западу, ко входу в храм Сфинкса и, как я уже говорил, к большому входу, ведущему к погребальной часовне второй пирамиды. Большая часть этих развалин погрузилась в пески. Спустившись с верблюда и пройдя по современному переходу, я достиг белоснежного коридора и подумал, что Абдул и немецкий рабочий показали нам не все из того, на что стоило бы посмотреть.

После этого мы сделали обычный обход пирамид, посетив вторую с развалинами погребальной часовни на западе, третью, и остальные мелкие пирамиды на юге, скалистые могилы IV и V династий и известную могилу Кэмпбела, находящуюся на глубине пятидесяти трех метров в зловещем саркофаге. От Большой Пирамиды до нас донеслись крики. Бедуины, окружив группу туристов, предлагали им участие в быстром спуске с памятника. Рекордная скорость подъема и спуска равнялась семи минутам, но местные жители, жадные до денег, уверяли, что это можно сделать и за пять минут, если дать им хороший "бакшиш". Однако любителей не нашлось. Абдул сам провел нас на вершину здания, откуда открывался великолепный вид: далекий сверкающий Каир, окруженный фиолетовыми холмами, и все пирамиды в окрестностях Мемфиса от Абу Рош на севере до Дашира на юге. Вдали в песках отчетливо виднелись пирамиды Сахары - среднее между масштаба и настоящими пирамидами. Именно около одного из таких памятников была открыта знаменитая могила Пернеба, в четырехстах километрах к северу от скалистой долины Тэбы, где покоится Тутанхамон. Я затаил дыхание. Перспектива вечности и тайны, которые каждый из этих памятников, казалось, содержал в себе, наполнила меня таким уважением и чувством безграничности времени, которые я никогда раньше не испытывал.

Усталые от восхождений, раздраженные поведением несносных бедуинов, которые, казалось, бросают вызов всем правилам хорошего тона, мы решили не путешествовать

по узким проходам пирамид. И все же несколько отважных туристов готовились проникнуть в удушливые узкие коридоры могучего мемориала Хеопса. Подозвав нашего местного телохранителя и еще раз заплатив ему, мы возвратились в Каир вместе с Абдулом Рейсом. Но уже после обеда сожаление о том, что мы не оказались более смелыми, охватило нас. О подземельях рассказывали столько удивительных вещей! О них не прочитаешь ни в одном путеводителе. Ведь не говорится же там, что входы в большое количество подземных переходов были торопливо скрыты и замурованы подпольными археологами, начавшими здесь свои исследования. Естественно, слухи не основывались ни на чем конкретном, но все же было любопытно, почему посетителям постоянно мешают проникнуть ночью в пирамиду, а днем запрещают доступ во внутренние залы склепа Великой Пирамиды.

А может быть, тут свою роль сыграл психологический эффект к странному чувству, вызванному нахождением внутри громадного каменного блока, добавляется ощущение необходимости проползти для этого по узкому проходу, где возможна любая западня, а малейшая неосторожность или случайность могут вызвать завал прохода. Все это казалось и страшным, и притягательным одновременно, и мы решили при первой же возможности возвратиться на плато пирамид. Такой случай представился мне гораздо раньше, чем я ожидал.

Вечером туристы нашей группы, еще изнуренные утомительной программой дня, решили отдохнуть. Вместе с Абдулом Рейсом я вышел прогуляться по живописному арабскому кварталу. Я уже видел его при свете дня, но хотел еще раз взглянуть на улочки и базар ночью, когда глубокая темнота и слабые лучи света придают всему особое величие. Людской поток стал меньше, но движение было еще оживленным, когда мы наткнулись на группу бедуинов, пирующих на рынке Нахасин, где торгуют кожей. Главным среди них казался надменный молодой человек в феске, с крупными чертами лица. Он заметил нас и с ярко выраженным недовольством узнал моего гида, человека знающего, но высокомерного и полного презрения к окружающим. Может быть, думал я, ему не нравится его улыбка, странно воспроизводящая гримасу Сфинкса, которую я часто замечал с некоторым раздражением на лице Абдула, или ему не по душе был его низкий голос? Сразу разгорелась жаркая словесная перепалка. И вскоре Али-Зиз, как его звали, схватил и начал трясти Абдула за одежду, что повлекло за собой отпор со стороны моего компаньона. Вскоре вся ссора свелась к мощной потасовке потерявших всякое хладнокровие противников. Драка, несомненно, могла принять и худший оборот, если бы я не вмешался и не растащил противников. Мое посредничество, которое, казалось, вначале было плохо принято с обеих сторон, в итоге помогло обрести всем передышку. Противники укротили свой гнев и с мрачным видом стали приводить себя в порядок. С достоинством, столь глубоким, сколь и внезапным, оба заключили любопытный договор чести, который, как я вскоре узнал, являлся каирским обычаем, восходящим к древности. Они должны будут уладить свой спор с помощью боксерского поединка на вершине Великой Пирамиды после того, как ее покинет последний любитель лунного света.

Каждый из противников соберет группу секундантов, и встреча, состоящая из нескольких раундов, будет проведена в самой цивилизованной манере ровно в полночь.

Эта программа меня сильно возбудила. Сама встреча обещала быть зрелищной, а мысль о поединке на вершине античного сооружения под бледным светом луны затрагивала мое воображение. По моей просьбе Абдул согласился включить меня в группу своих секундантов. Таким образом, остаток вечера я провел с ним в различных притонах наиболее "горячего" квартала города, преимущественно на северо-западе Эзбекии, где он собрал великолепную банду из местных головорезов. Чуть позже девяти часов наша группа взобралась на ослов, носящих королевские имена или имена знаменитых людей, как, например, Рамзес, Марк Твен, Д.П.Морган и Миннехед, и двинулась в лабиринт улиц, одновременно восточных и западных. По мосту с бронзовыми львами мы перебрались через бурлящий Нил и неспешным галопом поскакали по дороге в Гизу. Путь занял у нас немногим более двух часов. Приближаясь к месту назначения, мы встретили последних возвращающихся туристов, поприветствовали последний троллейбус и, наконец, остались наедине с ночью, прошлым и спектральной луной. Затем впереди мы увидели огромные пирамиды. Они, казалось, источали непонятную и древнюю угрозу, чего я не заметил днем. Даже в облике самой малой из них таилось нечто угрожающее. Не была ли эта пирамида той, в которой заживо похоронили царицу Нитокрис из VI династии, хрупкую царицу Нитокрис, пригласившую однажды всех своих врагов на большой пир в храме, находящемся ниже уровня Нила, и утопившую их, приказав открыть затворы шлюзов? Я вспомнил, что арабы бормотали странные слова по поводу Нитокрис и избегали третьей пирамиды в некоторые четверти луны. И, возможно, думая о ней, Томас Мур написал несколько строк, повторяемых лодочниками Мемфиса:

Подземная нимфа, сидящая среди драгоценных камней и спрятанных сокровищ Дама Пирамиды.

Али-Зиз и его группа нас опередили. Силуэты их ослов отчетливо виднелись на пустынном плато Кафрел Харам. Мы направились к грязному стойбищу арабов перед Сфинксом, избегая обычной дороги, ведущей к Мена Хауз, где сонные полицейские могли нас заметить и начать задавать ненужные вопросы. Там возле каменных могил соратников Хефрена бедуины оставили ослов и верблюдов, и мимо занесенных песком скал мы прошли к Великой Пирамиде. Арабы легко взобрались по склону сооружения, отшлифованному ветрами. Абдул Рейс предложил мне помощь, но я в ней не нуждался. Большинство путешественников знает, что самая вершина этой конструкции выветрилась за долгие годы, и теперь здесь была ровная площадка размером около двенадцати квадратных метров. Именно здесь под сардоническим взглядом луны и произошел бой, походивший на все те, на которых я раньше присутствовал в спортивных клубах: удары, финты, защита, крики зрителей. Поединок был коротким и, несмотря на мои неясные подозрения, я чувствовал себя гордым представителем нации, создавшей бокс. Абдула Рейса провозгласили победителем. Примирение состоялось немислимо быстро, и среди песен, заверений дружбы и тостов мне трудно было предположить, что эти два человека только что дрались. Некоторое время спустя мне показалось, будто теперь именно я являюсь предметом их разговора. С трудом вспоминая арабские слова, я разобрал, что компаньоны обсуждают мои профессиональные качества и мои способности выскользнуть из всех уголков, где меня можно было бы запереть. Я удивился, узнав, как хорошо они меня знают, и почувствовал некоторую неприязнь и большую

долю скептицизма по отношению к моим подвигам. Мало-помалу я сделал открытие, что древняя магия Египта не исчезла бесследно. Остатки этой тайной непонятной науки еще живут среди феллахов, и таланты иностранного чародея или фокусника могут нанести урон престижу местных колдунов. Я подумал о моем гиде с низким голосом, Абдуле Рейсе, очень похожем на старого египетского священнослужителя или фараона, или на улыбающегося Сфинкса, и от этого мне стало не по себе.

Неожиданно случилось нечто, подтвердившее правильность моих размышлений и заставившее проклясть глупость, с которой я принял предложенную ночную программу, не отдавая себе отчета в том, что это был лишь предлог заманить меня. По скрытому знаку Абдула вся банда бедуинов набросилась на меня. Вскоре я был связан с помощью толстых веревок крепче, чем когда-либо на сцене или в жизни. Поначалу я сопротивлялся, но быстро понял, что один человек не может одержать верх над двадцатью крепкими варварами. Мои руки были связаны за спиной, колени максимально согнуты, запястья и лодыжки крепко привязаны друг к другу. В рот мне засунули огромный кляп, а глаза завязали повязкой. Потом, когда арабы несли меня на плечах, спускаясь с пирамиды, я услышал саркастический голос моего гида, имевшего наглость насмеяться надо мной. Он заверил, что мои магические способности вскоре будут проверены, и, возможно, у меня исчезнет та уверенность, которую я приобрел за время проведения своих сеансов в Америке и Европе. Египет, напомнил он мне, очень древний. Он наполнен тайными силами, которые сегодняшние эксперты не могут себе даже представить.

На какое расстояние и в каком направлении меня отнесли? Я не могу этого сказать, ибо был не в состоянии делать точные расчеты. Знаю лишь, что не слишком далеко, поскольку мои тюремщики ни разу не ускорили шаг и несли меня недолго.

Я вздрагиваю каждый раз, когда думаю о Гизе и плато. Но в тот момент у меня были другие причины чувствовать себя угнетенным. Мои похитители поставили меня на песок, обвязали вокруг груди веревкой, протянули несколько метров по земле до некоего подобия колодца и достаточно грубо столкнули меня туда. Через некоторое время, показавшееся мне веками, я ударился о неровную каменную стену в узком проходе, который принял за одно из многочисленных погребений на плато. Мне казалось, я спускаюсь на огромную, почти немыслимую глубину. Ужас мой усиливался с каждой секундой. Спуск среди скал мог быть долгим, а веревка достаточно длинной, чтобы позволить мне болтаться здесь, в недрах земли.

Я знаю, что когда человек находится в ненормальных условиях, восприятие им времени может стать ошибочным, но все же уверен, что запомнил все происшедшее и не перешел границы жестокой реальности, в которой находился. Мой страх возрастал пропорционально скорости спуска. Арабы быстро разматывали веревку, и я жестоко оцарапался о грубые стены колодца. Одежда превратилась в лохмотья, тело обильно кровоточило. Вдруг мои ноздри ощутили проникающий запах сырости и гниения, не похожий ни на какие другие. Затем что-то ужасное произошло с моим сознанием. Моя душа была охвачена кошмаром, действительность стала апокалиптической и сатанинской - в один миг я болезненно погружался в узкий колодец, который рвал меня миллионом своих зубов, а в другой - парил на крыльях летучей мыши в пучине ада. Я то

головокружительно взлетал на безграничную вершину холодного эфира, то, теряя дыхание, погружался в тошнотворные глубины. Я воздавал хвалу Господу, ввергнувшему в небытие фурий моего сознания, которые разрывали мой мозг, подобно жутким гарпиям. Эта короткая отсрочка дала мне физическую и моральную силу перенести те жуткие испытания, которые меня ожидали.

***

Мало-помалу я пришел в себя после нескончаемого спуска. Этот процесс был бесконечно болезненным и окрашен фантастическими сновидениями, в которые я время от времени впадал, оставаясь по-прежнему связанным. Природа этих кошмаров была очевидна, но воспоминания о них почти сразу же стирались из памяти: Я вынужден был мобилизовать остатки своего сознания, чтобы объяснить, ужасные моменты, реальные и вымышленные. Мне казалось, что меня схватила огромная желтая лапа, волосатая, с пятью когтями, вынырнувшая из-под земли, чтобы удержать меня и раздавить. Когда я прекращал думать о лапе, мне казалось, будто это был сам Египет. Я то видел события предыдущих недель, то чувствовал себя тонко и коварно вовлеченным в адские колдовские сети древнего Нила разумом, который уже был в Египте до появления здесь человека и останется после того, как он исчезнет.

Я почувствовал дикий ужас египетской античности и раскрыл жуткий союз, который она установила вечность назад с могилами и храмами мертвецов. Я видел призрачные процессии жрецов с бычьими, соколиными, кошачьими, ибисовыми головами, идущие нескончаемой вереницей в подземных лабиринтах и гигантских пропилеях, в сравнении с которыми человек не более, чем насекомое, и дарящие бесконечные жертвоприношения неопишущим богам. Каменные колоссы шагали в бесконечной ночи и вели за собой орды ухмыляющихся сфинксов до берегов темных рек со стоячей водой. И за всем этим я ощущал невыразимое недоброжелательство примитивной некромантии, черной и аморфной, жадно ищущей меня ощупью в темноте, чтобы подавить во мне разум, который осмелился ей противостоять. В моем спящем мозгу сформировалась картина ненависти и зловещего преследования. Я ощутил черную душу Египта, указывающего на меня и зовущего меня неслышным шепотом в древние катакомбы фараонов. Затем неясные образы стали принимать человеческие облики, и я увидел моего гида Абдула Рейса в королевской тунике с отвратительной ухмылкой Сфинкса и понял, что его черты были чертами лица Хефрена Великого. Я смотрел на худую и холодную руку Хефрена, руку, которую я уже видел у диоритовой статуи в Каирском музее. Я удивился и чуть не закричал, узнав руку Абдула Рейса. Эта рука! Это объятие и холод саркофага! Смертельный лед древнего Египта, Египта кладбищ и ночей... Эта желтая лапа... Станный шепот по поводу Хефрена.

В этот момент я начал пробуждаться или по крайней мере выходить из коматозного состояния, в котором находился. Я вспомнил бой на вершине пирамиды, предательство бедуинов, их нападение, мой ужасный спуск на конце веревки в скалистые бездонные глубины, мое бессмысленное, головокружительное погружение в ледяное пространство с затхлым запахом гниения. Я почувствовал себя лежащим на сыром каменном полу, веревки глубоко впились в мое тело. Было холодно, и мне показалось, что надо мной дует легкий ветер. Ушибы и порезы об острые края стенок колодца заставляли меня жестоко

страдать, а ветерок еще больше усиливал боль. Малейшее движение доставляло мне невыносимые муки. Повернувшись, я почувствовал, что веревка, на которой меня спустили, оставалась натянутой. У меня не было ни малейшего представления о глубине, на которой я находился. Я знал, что темнота, окружавшая меня, была крошечной или почти таковой, ведь ни единый луч света не проникал под подвязку, закрывающую мне глаза. Казалось, будто я стою среди огромного пространства, вероятно в подземной часовне Хефрена Старого, в храме Сфинкса. А может это был внутренний коридор, который гиды не показали мне во время утреннего посещения, и откуда я мог бы легко выбраться, если бы удалось найти дорогу к заколоченному входу. Это было бы трудной задачей, но все же не труднее тех, что я уже решал.

На первом этапе следовало освободиться от связывавших меня пут, повязки и кляпа. Я знал, что это была посильная работа, ведь знатоки более искусные, нежели арабы, пытавшиеся связать мои руки и ноги самыми различными способами, ни разу не смогли поставить меня в тупик - знания и опыт всегда выручали. Затем мне в голову пришла мысль, что арабы могут дожидаться у входа, чтобы наброситься на меня, если заметят мою удачную попытку выпутаться из веревки. Естественно, все это могло быть при условии, что местом моего заключения является храм Сфинкса Хефрена. Отверстие в потолке не должно в этом случае находиться далеко от входа. Правда, во время моего дневного визита я не видел никакого отверстия, но знал, что среди песков его можно было просто не заметить.

Размышляя над все этим, лежа обессиленный и связанный на каменном полу, я почти забыл весь ужас моего спуска и шок, ставший причиной комы, в которой недавно находился. У меня была лишь одна мысль - перехитрить арабов. Итак, я решил избавиться от пут как можно быстрее, стараясь не дергать за веревку, что сразу же выдало бы мои усилия. Но принять такое решение было проще, нежели его выполнить. Несколько предварительных попыток показали мне, что сделать это без определенных резких движений невозможно. Мои действия привлекли внимание бедуинов, и я почувствовал, как моток веревки упал на меня. Очевидно, они заметили мою попытку освободиться и уронили конец веревки, спеша, возможно, к вероятному входу в храм, чтобы там подло подстеречь меня. Но вскоре эта мысль исчезла, и чувство первобытного сверхъестественного страха охватило меня, нарастая по мере того, как я вырабатывал свой план.

Я уже сказал, что веревка обрушилась на меня. Теперь же она продолжала скапливаться непонятным образом. Пеньковая лавина наполовину погребла меня под собой. Вскоре я был полностью завален и начал задыхаться, а веревка все продолжала падать. Мое сознание вновь помутилось, я тщетно попробовал сопротивляться. Ни мои мучения, выходявшие за пределы человеческих возможностей, ни жизнь и дыхание, медленно покидающее меня, не тревожили меня так, как желание понять, что же означала эта сверхъестественная длина веревки. Я находился, конечно же, на огромной глубине. Безоружный, измученный я лежал в безымянном подземелье в центре планеты. Вторично я погрузился в милосердное забвение. Когда я говорю "забвение", это вовсе не означает отсутствие снов. Напротив, страшные видения преследовали меня. Господи! Если бы я только не читал столько вещей по египтологии до своего приезда в эту страну, источник тайны и страха!

Второй приступ забытья снова наполнил мой спящий мозг ужасающими секретами древней страны. Случайно ли, но мои мысли вертелись вокруг древних понятий мертвых, их пребывания в душе и теле по ту сторону таинственных могил, казавшихся скорее домами, нежели местами для погребения. Во сне я вспомнил особенно сложное сооружение египетских гробниц и те исключительно странные доктрины, которые оказывали главное влияние на их конструкцию. Лишь смерть и души умерших царили в этих храмах.

Египтяне верили в воскресение тела и с особой тщательностью бальзамировали его, сохраняя жизненно необходимые человеческие органы в герметично закрытых глиняных горшках. Они равно верили в два других элемента: душу, которая после суда Осириса селилась в стране Элугов, и темную и зловещую Ка или основу жизни, блуждающую во внутреннем и внешнем мире и требующую время от времени доступа к хранящимся телам, чтобы потреблять еду, принесенную жрецами и родственниками в погребальную часовню, и иногда - как об этом говорили шепотом - чтобы уносить тела или их деревянные копии, похороненные здесь же, для исполнения опасных и особенно отталкивающих обрядов. В течение тысячелетий эти тела хранились здесь великолепно скрытые, с остекленевшими глазами, смотрящими в потолок, в ожидании дня, когда Осирису угодно будет соединить вместе Ка и душу и проводить несгибаемые легионы мертвецов из поземного царства сна. Это было бы славное воскрешение, но души не были избраны, а все могилы были поруганы. Все это могло вызвать страшные аномалии. Даже сегодня арабы тихонько говорили о неосвященных собраниях и непристойных культах в потерянных безднах, которые могут посещать лишь бездушные мумии, да невидимая крылатая Ка.

Наиболее леденящие душу легенды являются и самыми извращенными. В них речь идет о мумиях, в которых искусственно соединили туловище и человеческие члены с головами животных на манер древних божеств. Во все эпохи египетской истории священные животные бальзамировались таким образом, чтобы быки, коты, ибисы, мудрые крокодилы могли однажды возвратиться в полной славе. Но лишь в период упадка, когда у них не было прав и преимуществ Ка, египтяне соединяли в одном существе человека и животного. О том, что произошло с этими составными мумиями не говорят, во всяком случае, публично, но верно и то, что ни одному египтологу не удалось еще их найти. Слухи, пущенные арабами, невероятны и не могут серьезно приниматься во внимание. Они говорят даже, будто старый Хефрен - Сфинкс второй пирамиды и открытого храма - живет в глубинах земли, взяв себе в жены Нитокрис, царицу-вампира, и царствует над мумиями.

Итак, мои сны были о Хефрене, его супруге и армии странных мертвых гибридов. Поэтому я рад, что точное содержание виденного мною не сохранилось полностью. Мое самое страшное видение было связано с вопросом, который я задавал себе предыдущим днем, глядя на загадочную скульптуру в пустыне. Я спрашивал себя, в какой неведомой глубине возвышающийся в стороне храм, должен быть тайно связан с ней. Этот вопрос и простой и неуместный, обретал в моем сне значительность, придавшую ему характер неистового и бешеного наваждения. Какую ненормальную и отталкивающую аномалию представлял Сфинкс вначале?

Мое второе пробуждение, если его можно было так назвать, ознаменовалось глубоким страхом. К тому же моя жизнь была наполнена приключениями больше, нежели существование всех смертных. Вы помните, что я потерял сознание под лавиной веревки, длина которой указывала на ужасающую глубину моего погружения. Сейчас, придя в себя, я не чувствовал больше веса давящей и опутавшей меня веревки, но сознавал, что остаюсь слепым и с кляпом во рту. Кто-то полностью убрал мотки пеньки, под которыми я задыхался. Понимание этого пришло ко мне постепенно, и я подумал, что мог бы снова потерять сознание, если бы к этому моменту не достиг того эмоционального изнурения, когда страх стал мне безразличен. Я был один... Но с кем?

Прежде чем я снова начал мучить себя вопросами и заново пытаться освободиться, мне стало очевидным и другое. Боль, которую я испытывал, буквально раздирала мне руки и ноги, и у меня создалось впечатление, будто я покрыт большим количеством засохшей крови, чем потерял. Моя грудь, казалось, была покрыта сотней ран, как если бы огромный жестокий ибис долбил меня своим клювом. Несомненно, что сила, убравшая веревку, была враждебной. Начав наносить мне раны, она должна была почему-то остановиться. И все же мои ощущения были полностью противоположны тем, которые следовало бы ожидать: вместо того, чтобы окончательно потерять надежду, я почувствовал себя готовым к действию. Сейчас я был уверен, что силы зла принимают физический облик, и бесстрашный человек может сражаться с ними на равных.

Ободренный этой мыслью, я начал стаскивать веревки, используя для этого сноровку, которую так часто демонстрировал в свете юпитеров под аплодисменты толпы. Тонкие нюансы этого процесса начали возвращаться ко мне. Я подумал, что весь этот ужас был просто галлюцинацией и что никогда не существовало страшного отверстия, этой бездонной пропасти и нескончаемой пеньки. И все же был ли я действительно в храме Хефрена перед Сфинксом, и не проникли ли сюда тайком арабы, чтобы мучать меня, лежащего без защиты? Если бы только мне удалось подняться, освободиться от терзавших меня пут и кляпа! С открытыми глазами, улавливающими малейший свет, я бы с радостью сразился с вероломными врагами. Не могу точно сказать, сколько времени мне понадобилось, чтобы сбросить с себя веревку, возможно, больше, чем по моим представлениям, ведь я был ранен и обессилен. Окончательно освободившись и вдохнув, наконец, полной грудью ледяной, сырой и затхлый воздух, я почувствовал, что слишком изнурен, чтобы действовать немедленно. Я остался лежать, пытаюсь вытянуть мое скрюченное, окаменевшее тело, и напрягал зрение, стремясь немного сориентироваться. Мало-помалу силы и гибкость вернулись ко мне, но глаза по-прежнему ничего не могли различить. Стоя на коленях, я тщетно ощупывал землю и озирался вокруг себя, но встречал лишь темноту, столь же глубокую, как если бы повязка все еще оставалась у меня на глазах. Я пошевелил ногами, покрытыми засохшей кровью под лохмотьями брюк, и почувствовал, что могу идти, но был в нерешительности относительно направления поисков - я не мог двигаться наугад и подвергать себя риску удалиться от отверстия, которое искал. Вот почему я попробовал определить, откуда шел холодный и зловонный воздух, и предположив, что место, откуда он исходил, было возможным входом в эту пропасть, стал продвигаться в этом направлении. В этот вечер у меня был с собой коробок спичек и даже электрическая лампа, но конечно же, сейчас карманы моей порванной одежды были пусты.

Я осторожно шел в темноте до тех пор, пока не различил осязаемое, отвратительное испарение, идущее из некоторой дыры, подобно дыму из кувшина джина в восточной сказке. Восток... Египет... Действительно, эта черная колыбель цивилизации всегда была источником страшных и невероятных чудес.

Чем больше я размышлял о природе подземного ветра, тем сильнее росло мое беспокойство, ведь я искал его источник, а теперь с очевидностью заметил, что это зловонное испарение не имеет ничего общего с чистым воздухом Ливийской пустыни. Ну что же значит я шел в неверном направлении.

После секундного колебания я решил не возвращаться назад. Если я удалюсь от потока воздуха, то не смогу больше ориентироваться здесь, ведь каменный пол не имел четкого рельефа. Если же я буду двигаться по направлению этого странного потока, то без сомнения доберусь до какого-нибудь отверстия, откуда может быть, обогнув стены, смогу пройти до противоположного конца гигантской пещеры, в которой невозможно ориентироваться. Я отлично понимал, что могу потерпеть неудачу. Мне казалось, что я нахожусь в неизвестной туристам части храма Хефрена, о которой археологи также ничего не знают. Лишь подлым арабом, захватившим меня, было известно о ее существовании. Но в таком случае существовал ли выход к другим частям храма и далее, к свободе? Какие доказательства были у меня, что это действительно был храм? На несколько секунд самые сумасшедшие мысли ворвались в мою голову, и я подумал о живом смещении ощущений, моем спуске, веревке, моих ранах и снах. Было ли это концом моего существования, последним мгновением жизни? Я не мог ответить на эти вопросы, но продолжал задавать их себе до тех пор, пока судьба в третий раз не погрузила меня в забвение.

На этот раз снов не было, так как шок был внезапным, и у меня не оставалось времени для размышлений. Неожиданно споткнувшись о ступеньку в месте, где поток отвратительного воздуха стал особенно сильным, я упал и ударился головой. Эта ступенька была началом огромной каменной лестницы в бездне страха.

Тем, что я выжил, я обязан чудесному сопротивлению человеческого организма. Часто, когда я опять вспоминаю об этой ночи, случившиеся три обморока кажутся мне немного комичными, напоминающими мелодраматические ситуации кинофильмов той эпохи. Возможно эти три события моих подземных перипетий были ничем иным, как непрерывной цепочкой мыслей начавшейся во время моего спуска в пропасть и прекратившейся лишь после того, как я вздохнул успокаивающий свежий ветер свободы, лежа на песке Гизы, у подножия огромного Сфинкса. Я предпочел поверить в это последнее объяснение и был рад сообщить полиции, что барьер, закрывающий храм Хефрена, найден мною поврежденным и что существует большое отверстие на поверхности плато. Я также удовольствовался заявлением врачей о том, что причиной моих ран были похищение, моя борьба за освобождение и испытания, которые я перенес. Очень успокоительный диагноз. И все-таки я знаю, что со мной произошло нечто трудно объяснимое. Это необычное падение оставило во мне слишком живой след, чтобы можно было отрицать его, и странно, что никому затем не удалось найти человека, похожего по описанию на Абдула Рейса Эль-Дрогмэна, гида с загробным голосом и улыбкой фараона Хефрена.

Однако я отвлекся от своего повествования, тщетно надеясь избежать изложения финального эпизода, события, бывшего без сомнения, галлюцинацией. Но я собирался рассказать о нем и выполняю свое обещание.

Придя в себя после падения с лестницы, я ощутил вокруг такую же темноту, как и раньше. Тошнотворный запах стал удушающим, но мне почти удалось к нему привыкнуть и стойко переносить его. Ничего не видя, я пополз туда, откуда исходило зловоние. Мои окровавленные руки шлепали по огромным плитам гигантской мостовой. Головой я наткнулся на что-то твердое и, ощупав, сообразил, что это подножие колонны невероятной высоты. Ее поверхность была покрыта гигантскими иероглифами, которые мои пальцы легко распознали. Продолжая ползти, я обнаружил и другие огромные колонны.

***

Внезапно мое внимание привлекло нечто, что уловил мой слух, хотя я еще и не полностью пришел в себя: из глубины земли шли четкие и ритмичные звуки, не похожие ни на что, слышанное мною ранее. Интуитивно я чувствовал, что они очень древние. Их производила группа инструментов, которые мои знания египтологии позволили мне распознать: флейта, самбук, систра, барабан. Ритм этой музыки вызвал у меня чувство страха, более сильного, нежели ужас всего мира, ужас, порождавший во мне жалость к нашей планете. Звук усиливался и, казалось, приближался. Я молил всех богов Вселенной помочь мне больше никогда его не услышать. Я уже различал шарканье многочисленных ног движущихся существ. Ужасным было то, что эта поступь не походила ни на что другое. Чтобы идти столь четко, шаг в шаг, эти монстры, появляющиеся из глубин земли, должны были тренироваться тысячи лет. Хромающие, позвякивающие, подвывающие, они заставили меня дрожать от страха. Я молил бога избавить мою память от арабских легенд: бездушные мумии.., встречи с блуждающей Ка., трупы-гибриды под предводительством царя Хефрена и его супруги-вампира Нитокрис...

Шаги приближались - да убережет меня небо от звука этих ног, лап, сабо и каблуков - и звучали очень отчетливо на огромных плитах. Вспышка сверкнула в смрадной темноте, и я спрятался за массивной колонной, чтобы хоть на мгновение не видеть приближающегося ко мне шествия, этих ног, несущих на себе жутких монстров. Вспышки множились, а ритм шагов становился оглушающим. В дрожащем оранжевом свете проходила церемония, внушавшая столько уважения, что я - и это удивительно - забыл свой страх и отвращение. Основания колонн, столь гигантских, что Эйфелева башня казалась крошечной по сравнению с ними, были покрыты иероглифами, высеченными демонической рукой в пещерах, где дневной свет оставался лишь далеким и немислимим воспоминанием. Я не смотрел на идущих монстров. Я принял это отчаянное решение, слыша хруст их суставов и шумное вдыхание азотистого воздуха, и рад был, что они еще не разговаривали. Но боже мой! Какие немислимые тени отбрасывали их фонари на поверхность гигантских колонн!

У гиппопотамов не должно быть человеческих рук, и они не могут нести фонари... У людей не должно быть крокодильих голов! Я пробовал отвернуть голову, но тени, шум, вонь царили везде. Потом я вспомнил, как в детстве, будучи мальчиком, чтобы не

испугаться кошмара, повторял про себя! "Это сон". Но сейчас подобный способ был бесполезным. Мне оставалось лишь закрыть глаза и молиться. Я спрашивал себя, выберусь ли когда-нибудь отсюда, и время от времени открывал глаза, пытаюсь разглядеть что-нибудь еще, кроме огромных колонн и жутких теней. Свет фонарей, которых становилось все больше, усиливался, и если бы только это место не было столь открытым, я не замедлил бы двинуться по своему ориентиру. Но мне пришлось снова закрыть глаза, так как я отдавал себе отчет в количестве собравшихся здесь существ и еще потому, что заметил безногое создание, торжественно продвигающееся вперед. Урчание трупов, шепот мертвецов заполняли атмосферу, отравленную парами нефти и битума.

Перед моими полуоткрытыми глазами смутно предстала сцена, которое ни одно человеческое существо не могло бы себе вообразить, чтобы не умереть затем от страха. Существа церемониально шли в направлении потока воздуха, и свет их фонарей освещал склоненные головы тех, у кого они были. Толпа пала ниц перед зияющей огромной дырой. С боков, под прямым углом к ней тянулись гигантские лестницы. Без сомнения, я упал с одной из них. Размеры дыры или входа были пропорциональны колоннам и обычный дом легко мог пройти сквозь него. Существа бросали к этой широкой двери какие-то предметы, очевидно, жертвоприношения и дары. Хефрен был их царем, Хефрен, украшенный золотом, с сардонической улыбкой. Или то был Абдул Рейс, монотонно гнусавивший заклинания? С боку от него на коленях стояла красавица Нитокрис; на несколько мгновений мне удалось увидеть ее профиль, и я заметил, что правая часть ее лица была объедена крысами или вампирами. По размаху культа я предположил, что божество, скрывающееся там, в глубине, должно быть очень могущественным. Был ли это Осирис, Изис, Хорус, Амубис, или какой-либо неизвестный бог? Существует легенда, согласно которой алтари и гигантские монументы воздвигались в Небытии еще до того, как стали почитать уже признанных богов. Глядя на совершающих замогильный культ существа, я не переставал думать о бегстве. Место, где я прятался, скрывал густой мрак. В то время, пока эта кошмарная толпа билась в экстазе, мне необходимо было проскользнуть к одной из лестниц. Доверившись судьбе и своей сноровке, я попробовал это сделать. Я абсолютно не знал, куда попаду, но находил все же смешным свое желание вырваться из того, что считал сном. Был ли я в затерянном царстве храма Хефрена, месте, которое веками называли храмом Сфинкса? Но я решил не строить предположений, а выбраться на свободу, если мои ум и тело позволят мне сделать это. Ползком я начал пробираться к левой лестнице, считая ее более достижимой. Невозможно описать ощущения, испытанные мной на этом пути, их можно лишь вообразить, если помнить, что мне необходимо было постоянно следить за светом фонарей. Меня не должны были застать врасплох. Нижняя часть лестницы, как я уже говорил, была погружена во мрак, а сама она головокружительно поднималась над гигантским входом. Я уже достаточно удалился от сверкающей орды монстров, чей спектакль, несмотря на разделявшее нас расстояние, заставлял кровь стечь в моих жилах. Наконец, я достиг ступеней и начал подниматься по огромной, сложенной из больших порфировых блоков лестнице, стараясь держаться как можно ближе к стене. Монстры были слишком заняты своей литургией, чтобы обратить на меня внимание. Страх быть увиденным и боль, которая с новой силой терзала меня, были моими

единственными ощущениями во время этого тяжелого незабываемого подъема. Во мне жило желание, добравшись до вершины лестницы, продолжать карабкаться по любым ступенькам, которые, возможно, попадутся мне на пути. Я даже не хотел останавливаться, чтобы взглянуть последний раз на этих, стоящих на коленях в тридцати метрах от меня мерзостных существ. Но внезапно булькающая речь стала оглушающей, и я, почти достигший вершины лестницы, вынужден был оглянуться, чтобы внимательно взглядеться в происходящее внизу.

Монстры приветствовали нечто, появившееся из огромной зловонной дыры, чтобы забрать адские дары, брошенные лично для него. Оно представляло собой тяжелое, желтоватое, волосатое чудовище, трясущееся, словно неврастеник. Размером с гиппопотама, это существо имело довольно странную форму. У него не было шеи, и пять голов торчали над огромным цилиндрическим телом. Первая и последняя из них были маленькими, вторая - средней, а третья и четвертая казались самыми большими. Из голов торчали необычные щупальца, которые жадно захватывали огромное количество лежащей на земле пищи. Время от времени огромный монстр делал скачок и скрывался в своей пещере. Его способ передвижения был столь необычен и необъясним, что я смотрел на него почти с восхищением, желая еще и еще раз увидеть его перемещение по простирающемуся подо мной пространству. Когда он опять вышел из норы, я развернулся и со всей скоростью, на которую только был способен, помчался по лестнице, почти на замечая ступеней.

Должно быть все это было лишь сном, в противном случае рассвет не застал бы меня лежащим на песке Гизы, у подножия огромной, освещаемой первыми лучами солнца фигуры ухмыляющегося Сфинкса. Огромный Сфинкс! Господи! Вопрос, вставший передо мной предыдущим утром... Какую странную и жуткую аномалию должен был представлять Сфинкс на самом деле? Будь проклято все, что я видел, было ли это сном или явью, все что вселило в меня ужас, подобного которому я никогда не испытывал: неизвестное божество мертвецов, наслаждавшееся гнусными подношениями бездушных существ, которых трудно себе даже представить нормальному человеку. Пятиголовый монстр... Пятиголовый монстр, огромный как гиппопотам...

Но я выжил и знаю, что это только лишь сон.

Перевод: А. Мороз, Г. Кот

1992 год